

Ань Чанцин вышел из главного зала и с облегчением тяжело выдохнул. Ему искренне не нравились подобные сборища, где за словесным елеем и улыбками скрывались коварство и интриги.

Увидев вдалеке тайцзыфэй, которая вновь направлялась к нему со своими спутницами, Ань Чанцин и вовсе покрылся мурашками. Он поспешно притворился, будто ничего не заметил, и свернул в противоположную сторону. Однако, избежав встречи с тайцзыфэй, он неожиданно столкнулся со старшей принцессой.

Старшая принцесса носила высокую прическу «чаотяньцзи», увенчанную драгоценным венцом с бабочками, порхающими среди цветов, а в волосы у виска была вдета резная золотая шпилька с пурпурным нефритом. На ней была ярко-красная кофта с узорчатым шитьем и широкими рукавами, а снизу — плиссированная юбка цвета нефрита с россыпью цветов. При каждом шаге нежно звенели нефритовые подвески, подчеркивая ее царственное величие. Однако изысканно-утонченное лицо выражало лишь надменное хладнокровие, отчего весь этот роскошный наряд казался несколько пустым и чужим.

Столкнувшись с ней лицом к лицу, Ань Чанцин лишь вежливо поклонился:

— Тетушка.

Старшая принцесса окинула его взглядом, и на ее лице проскользнуло подобие улыбки:

— Что же ты, прямо как Чжигэ, едва увидишь меня — сразу норовишь сбежать? Это он тебя научил?

Ань Чанцин поспешно ответил:

— Что вы, я бы не смел. Князь глубоко уважает старшую принцессу и всегда учит меня относиться к тетушке с высочайшим почтением.

— А ты, я смотрю, весьма смывленный. Говоришь куда сноснее, чем Чжигэ. — Старшая принцесса с прищуром посмотрела на него, но не стала разоблачать его лукавые речи.

Ань Чанцин лишь смущенно улыбнулся и пошел рядом с ней.

Они дошли до небольшой беседки. Старшая принцесса взмахом руки отпустила сопровождавших ее дворцовых служанок. Взглянув на хранящего молчание Ань Чанцина, она шевельнула губами, хотела что-то сказать, но в итоге лишь вздохнула и тихо произнесла:

— Я... мне просто жаль Чжигэ, который с детства остался без матери, потому я и отношусь к нему немного мягче. Тебе не нужно так меня остерегаться. Я позвала тебя лишь для того, чтобы сказать: если в будущем у вас случится беда, ты можешь прийти ко мне.

Она горько ухмыльнулась:

— Ты более гибкий, чем Чжигэ. Будь на твоём месте он, он ни за что бы не обратился ко мне за помощью. Я сказала тебе это сегодня — просто запомни мои слова.

— Тетушка... — Ань Чанцин поднял глаза, в замешательстве смотря на нее. Он чувствовал, что слова старшей принцессы звучали от чистого сердца, однако ее объяснение выглядело неубедительно. Августейшее семейство не ведаёт жалости. Будучи старшей принцессой и родной сестрой императора, ей вовсе не было нужды принимать чью-либо сторону среди

племянников. Кто бы из троих сыновей императора Аньцина ни унаследовал престол, ее положению как старшей принцессы ничто не угрожало.

Даже если бы она не желала расставаться с властью и стремилась заранее примкнуть к одной из фракций, ей точно не следовало выбирать Сяо Чжигэ, у которого на данный момент не было ни единого шанса на победу.

Ань Чанцин обдумал это со всех сторон, но так и не смог понять ее истинных мотивов. Лишь подозрения в его душе стали еще глубже.

— Если представится случай, со временем ты все узнаешь. — Старшая принцесса мгновенно поборолась сиюминутную слабость, и взгляд ее снова стал непреклонным. — Впрочем, я бы не хотела, чтобы этот день настал...

Она повернулась и уставилась вдаль, где едва заметно приближался паланкин императора Аньцина, направляющийся во внутренние дворы. А из передних палат императорского дворца волна за волной катились оглушительные клики «Да здравствует император!», не стихавшие ни на миг...

— Что ж, они возвращаются. Иди и ты.

Ань Чанцин вежливо попрощался и ушел. Перед самым отходом он еще раз оглянулся на нее и заметил, что выражение ее лица стало совсем отстраненным, словно затянутым туманом, так что разглядеть ее истинные чувства было невозможно.

Жертвоприношение предкам, поздравления от сотен чиновников... Церемонии этого дня были невероятно громоздкими и утомительными. Когда все наконец завершилось и всем позволили покинуть дворец, время уже перевалило за полдень.

Ань Чанцин издали заметил в процессии Сяо Чжигэ и улыбнулся ему. Когда князь подошел ближе, заметив на его лбу капельки пота, он тихо спросил:

— Очень устал?

Сяо Чжигэ отозвался кратким «хм». Несмотря на свое отменное здоровье и крепкое телосложение, проведя полночи без сна, а затем выдержав утренние жертвоприношения и торжественные аудиенции, за все утро он изрядно вымотался.

— Я тоже проголодался, — зашептал ему на ухо Ань Чанцин. — Женщины во внутреннем дворе такие назойливые, я даже толком перекусить не осмелился.

Уголки губ Сяо Чжигэ слегка приподнялись. Переведя взгляд на проходящего с другой стороны наследного принца, он чуть повернулся, загораживая Ань Чанцина от его взора, и тихо прошептал ему на ухо:

— Поедим, когда вернемся в поместье.

Ань Чанцин не заметил ничего подозрительного, лишь улыбнулся, кивнул и вместе с ним покинул дворец.

Едва они удалились, наследный принц отвел взгляд и посмотрел на чинно приближавшуюся

тайцзыфэй:

— Кувшин вина, о котором я просил, ты передала?

Тайцзыфэй смиренно опустила взгляд:

— Да, Ваше Высочество. Однако на полпути его просто выбросили.

— Хм, — наследный принц едва заметно изогнул бровь. — А в нем, оказывается, есть гордость.

— Ну и ладно. Когда в будущем... — он осекся, не став договаривать, — ...разве будет хоть что-то, чего я не смогу получить?

Тайцзыфэй кротко склонила голову:

— Вы правы, Ваше Высочество.

Вернувшись в поместье князя, Ань Чанцин первым делом велел кухне приготовить обед. Во дворце было слишком много строгих правил, и, вытерпев там все утро, они оба толком ничего не ели. Теперь же настал черед сытно пообедать.

Закончив с трапезой, Ань Чанцин раздал праздничное награждение слугам поместья и только после этого отправился во двор Цинъю, чтобы навестить госпожу Юй и Ань Сяньюй. Придя туда, он увидел Чжоу Хэланя, который примостился на маленькой табуретке снаружи и читал книгу.

Ань Чанцин с удивлением посмотрел на него:

— Что ты делаешь на улице?

Чжоу Хэлань ответил:

— Матушка внутри беседует с госпожой и молодой барышней. Мне следует избегать неловких ситуаций, вот я и решил почитать снаружи.

Сегодня светило солнце, так что на улице было не особо холодно. Вот только взрослый мужчина, сидевший на крошечной табуреточке перед дверьми, выглядел весьма комично.

Ань Чанцин усмехнулся. Вспомнив, что Ань Сяньюй была примерно того же возраста, что и Чжоу Хэлань, он согласился, что приличия действительно стоит соблюдать. Отказавшись от мысли позвать его внутрь, он произнес:

— Что ж, тогда сиди тут, а я пойду.

Чжоу Хэлань проводил его взглядом, захлопнул книгу и, поглаживая подбородок, тихо пробормотал:

— И правда не позвал за собой... Похоже, мой просчет...

Ань Чанцин вошел внутрь. Матушка Чжоу действительно была во дворе Цинъю и беседовала с госпожой Юй. Ань Сяньюй молча сидела подле них и слушала их разговор.

Ань Чанцин достал приготовленные подарки и вручил их им. Просидев у них еще немного, он вернулся в переднюю часть поместья. Когда он выходил, Чжоу Хэланя у дверей уже не было.

...

Выйдя из двора Цинъю, Ань Чанцин направился в передний двор.

Изначально он собирался расспросить Ван Фугуя о поздравительных визитках и новогодних подарках от разных семейств, запланированных на второй день нового года, но неожиданно его первым разыскал Сяо Чжигэ. Увидев это, Ван Фугуй проявляя понятливость удалился, сказав, что зайдет позже.

Ань Чанцину пришлось отложить дела:

— У князя есть ко мне дело?

— Сегодня первый день года. Старшие должны давать младшим поздравительные деньги, — произнес Сяо Чжигэ.

Ань Чанцин совершенно растерялся, не понимая, к чему он вдруг завел об этом речь.

Сяо Чжигэ достал из рукава нефритового Пицю. Оберег был обвязан и зафиксирован золотистым дворцовым шнуром с длинной кистью. Шнур выглядел довольно старым, видать, сотворенным много лет назад.

— Когда мне исполнился месяц, матушка-супруга собственными руками сплела его для меня. Она говорила, что он отгоняет злых духов, бережет от бед и обращает несчастья в благословения. После кончины матушки отец, заявив, что ее смерть была дурным предзнаменованием, приказал сжечь все ее вещи во дворце. Уцелел лишь этот нефритовый Пицю, который я с тех пор всегда носил с собой. Пусть это будет подарком тебе от моей матушки.

Сяо Чжигэ говорил необычайно многословно для себя:

— Если бы матушка видела тебя, она бы непременно тебе обрадовалась.

Ань Чанцин принял оберег. Нефритовый Пицю ощущался теплым и гладким, видно было, что его часто держали в руках и поглаживали. Ему стало немного неловко:

— Князь приготовил для меня новогодний подарок, а я не успел ничего подготовить взамен.

— Есть ли что-то, чего бы князь хотел? — Ань Чанцин широко раскрыл глаза и серьезно посмотрел на него.

В глазах Сяо Чжигэ блеснула искра. Поразмыслив мгновение, он указал на нефритовый кулон «Двойная рыба» у него на поясе:

— Я вижу, ты часто носишь этот кулон. Почему бы тебе не подарить его мне?

Ань Чанцин опустил голову и сжал подвеску на поясе. Этот нефритовый кулон «Двойная рыба» был подарком его матери на десятилетие. Качество нефрита было не лучшим, но матушка носила его при себе всю жизнь: ходили слухи, что это единственное, что осталось ей от ее родителей. Позже она отдала кулон ему, и с десяти лет он носил его не снимая вот уже восемь лет.

Заметив, что Ань Чанцин молчит, опустив голову, Сяо Чжигэ подумал, что тому жалко расставаться с вещью... или же ему дорог тот человек, что подарил ее.

Сжав губы, Сяо Чжигэ мрачно произнес:

— Если тебе трудно расстаться с ним, то не нужно.

Ань Чанцин лишь на мгновение задумался, а увидав, что князь понял все не так, поспешно снял кулон и вложил его в ладонь Сяо Чжигэ, с улыбкой дав пояснение:

— Вовсе мне не жалко, просто мой кулон и в подметки не годится вашему. Смотрите не пожалейте о таком обмене.

Сяо Чжигэ опустил взгляд на кулон. Мрачность на его лице тут же сменилась ясным светом, и даже в голосе послышалась улыбка:

— Я не пожалею.

— И считается ли теперь, что мы обменялись памятными подарками? — подумал Ань Чанцин. Кулон Сяо Чжигэ был подарком от его матери, а его собственный — подарком от его матушки. Если они обменялись ими, то это ведь можно считать обменом памятными знаками?

Кто же мог подумать, что Сяо Чжигэ стремительно ответит:

— ...Не считается.

Ань Чанцин: «???»

Ань Чанцин в недоумении уставился на него. Сяо Чжигэ слегка поджал губы и отвернулся в сторону:

— Настоящий залог любви я подарю в следующий раз.

<http://bllate.org/book/18381/1767665>